

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ДЕЙКСИС В НАРРАТИВЕ (на материале русских и македонских сказок)

Александар Талески

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Пермь, Россия*

Keywords: Russian language, Macedonian language, personal deixis, the pronoun *I*, means of expression, narrative, secondary deixis, folklore texts.

Summary: The objective of this work is an attempt to show the features of personal deixis in narrative on the materials of the Macedonian and Russian folk texts. In article is considered the specifics of the means for expressing personal deixis in narrative, their similarities and differences in both languages are examined.

Ключевые слова: македонский язык, русский язык, персональный дейксис, средства выражения, персональность, нарратив, вторичный дейксис, фольклорные тексты.

Резюме: Задача работы – показать особенности персонального дейксиса в нарративе. Материалом исследования стали македонские и русские народные сказки. В статье рассматривается специфика средств выражения персонального дейксиса в нарративе, их сходства и различия в обоих языках.

Процесс изучения дейксиса длится долго, причем в его изучении сочетаются как традиционные идеи, заложенные еще К. Бругманном и К. Брюлером, так и новые концепции. Среди исследователей дейксиса можно выделить В. фон Гумбольдта, Б.А. Успенского, А.А. Уфимцеву, Ю.Д. Апресяна, А. Кенона, В.Б. Касевича, Э. Бенвениста, Р. Якобсона, Е.В. Падучеву, А.А. Кибрика, Н.А. Сребрянскую Дж, Лайонса, С.С. Fillmore, S.R. Anderson, E.L. Keenan и др., которые в своих работах исследовали прежде всего художественные тексты, которые, по словам Н.А. Сребрянской (Сребрянская, 2005), являются моделью реального мира, где дейксис представляет собой дейксис нарратива.

За основу определения понятия **дейксис** мы принимаем дефиницию

В.А. Виноградова, где подчеркивается, что термин «дейксис» происходит от древнегреческого глагола «указывать», означая указание как значение или функцию языковой единицы, выражаемую лексическими или грамматическими средствами (Виноградов, 1990: 128). Различается три основных типа дейксиса: персональный (личный), пространственный и временной [Кибрик: электр. ресурс].

Персональный дейксис указывает на участников речевого акта. Персональный дейксис, как и его составляющая – предметный дейксис – указывает на предметы и лица с использованием личных местоимений. О.Л. Муковский (Муковский, 2015) определяет персональный дейксис как указание на коммуникантов.

Под термином «пространственный дейксис» понимается указание на расположение объекта относительно дейктического центра, связанного с речевым актом (Жеребило, 2011: электр. ресурс). Временной дейксис представляет собой основной тип дейксиса, который устанавливает связь между местом и временем произнесения высказывания и формой дейктика (Кобрина, 2007).

Е.В. Падучева (Падучева, 2011: 265) различает первичный и вторичный дейксис в зависимости от режима интерпретации. Под понятием «режим интерпретации» она имеет в виду «контекст, необходимый для понимания значения эгоцентрических (в частности, дейктических) элементов языка – грамматических категорий, слов, конструкций», причем добавляет, что «семантика эгоцентрического элемента предполагает присутствие в ситуации некоего субъекта – говорящего или его аналога». В своей работе она предлагает выделять речевой (дейктический, диалогический) режим интерпретации, в котором роль говорящего выполняет реальный говорящий, и нарративный, когда текст интерпретируется в неканонической коммуникативной ситуации и полноценный говорящий отсутствует.

Ю.Д. Апресян (Апресян, 1997) понимает первичный дейксис как дейксис диалога, который используется в нормальных ситуациях общения, например, когда говорящий и слушающий видят друг друга и их понимание связано с их окружением. В качестве вторичного дейксиса понимается процесс, не связанный непосредственно с речевой ситуацией. Этот дейксис называется нарративным, или дейктической проекцией, и прежде всего встречается в художественном и фольклорном повествовании, когда происходит пересказ событий. Именно этот тип дейксиса является предметом нашего исследования.

Н.А. Сребрянская (Сребрянская, 2005), ссылаясь на слова Ю.Д. Апресяна, подчеркивает, что «дейктические проекции», или

«нарративный дейксис», непосредственно связаны с пересказом.

Е.В. Падучева считает, что «между вторичным и нарративным дейксисом имеется внутренняя связь». По ее словам, вторичные дейктические элементы можно назвать термином «нарративная проекция», причем их можно использовать как для повествовательного текста, так и для речевой ситуации нарратива, при этом в роль наблюдателя вместо говорящего входит персонаж. Е.В. Падучева ссылается на слова Ю.Д. Апресяна, который поясняет, что конституирующим свойством дейксиса нарратива является несовпадение места говорящего с пространственной точкой отсчета, т.е. дейктические слова в этом случае используются для изображения чужого сознания и выполняют, как правило, анафорическую или катафорическую функцию (Падучева, 2011: 268).

А.В. Бондарко подчеркивает, что личные местоимения и формы лица глаголов играют центральную роль в функционально-семантическом поле персональности. Семантика лица, по его словам, «представляет собой полевую структуру, в которой выделяются центр и периферия». Центр (ядро) данного поля персональности составляют формы 1-го и 2-го лица местоимений и глаголов, а периферия выражена формами 3-го лица (Бондарко, 2002: 569).

Как уже было сказано выше, задача данной статьи состоит в попытке показать специфику персонального дейксиса в нарративе (на материале македонских и русских сказок). Было обработано 4 сказки, по две на каждом из языков. Выбор фольклорных текстов был обусловлен тем, что, как подчеркивает И.В. Цикушева (Цикушева, 2008), они имеют особые черты. Сказка представляет собой произведение коллективного творчества, это вариативный текст, который изменяется даже тогда, когда она пересказывается одним и тем же рассказчиком.

Фольклорные сказки можно разделить на сказки о животных, бытовые и волшебные. Все они отличаются своеобразием повествования, формой построения текста и своей эстетической концепцией. Специфика проявляется в элементах, с помощью которых строится ход действия. Фольклорные сказки представляют собой нарратив, имеющий жесткую структуру, и часто начинаются с пересказа событий.

По теории Ю.Д. Апресяна, дейксис пересказа непосредственно связывается со вторичным дейксисом, т.е. нарративным или повествовательным дейксисом. Он выражен прежде всего личными местоимениями 3-го лица и их глагольными формами, а кроме того и другими языковыми средствами. Дейктическими словами можно

изобразить чужое сознание, вместе с тем они обладают анафорической функцией. Таким образом, мы можем заметить, что любая сказка начинается с пересказа (Пр.1 а, б) и, следовательно, дейксис пересказа выражается формами 3-го лица. Первое и второе лицо встречаются в диалоге, который связывается с первичным дейксисом.

Пр. 1 а) «В некотором царстве, в некотором государстве жил-был солдат, служил он долго и беспорочно, царскую службу знал хорошо...» («Окаменелое царство»).

б) «Си биле три самовили, имала некоја ливада шо не можеше живо пиле да влезе внатре. И станвит еден стар човек, (си бил и тој самовила, и ова детево шо пак измеќар се глави кај самовилава, ама го гледа, како стар човек, а не го знае оти е самовила) оди таму му викат?» *‘Жили-были три самовилы, и был луг, куда отродясь не ступала нога человека. Встает старик (это тоже была самовила, а мальчишка, который стал служить у него, нанялся к нему как к старому господину, не зная, что он самовила) и говорит ему: ‘Иди туда!’* («Трите самовили»).

Как видно из примеров (пр.1 а, б), персональный дейксис выражен местоимениями 3-го лица, например *он, тој* ‘он’, и вместе с тем формами глагола 3-го лица типа *служил, знал* и т.д. Таким образом, в связном повествовании используется показатель 3-го лица.

Что касается средств выражения персонального дейксиса, заметна небольшая разница между ними: так, формы глаголов 3-го лица более дейктичные, чем местоимения 3-го лица, которые в некоторых случаях обладают анафорическими характеристиками. В приведенном примере (пр. 1 а) встречаемся с анафорической спецификой личного местоимения 3-го лица *он*, которое относится к существительному *солдат*, является его антецедентом.

Что касается примера из сказки на македонском языке (пр. 1 б), можно заметить, что здесь повествование начинается с л-форм, которые в пересказе указывают на чужие мысли или события. Таким образом повествователь показывает, что не он являлся свидетелем указанных событий. В продолжении данного предложения встречаемся с использованием глагола имперфекта формы 3-го лица единственного числа *можеше* ‘мог’, причем, по словам Б. Конеского (Конески, 1967: 423, 433), данная категория времени характеризуется выражением доказанного действия, которое не совершилось. Таким образом, здесь мы встречаемся с определенным противоречием. С одной стороны, рассказчик, используя глагол в л-форме, указывает, что он не является свидетелем данного события, а с другой стороны, используя глагол в имперфекте, форма которого, по

словам Б. Конеского, выражает засвидетельствованное действие, рассказчик является свидетелем или непосредственным участником события.

Засвидетельствование можно выразить с помощью других грамматических средств, которые имеют подобное значение. Одной из этих единиц является троичная система членных форм, характерная для македонского языка (формы с показателем *-в* отсылают к говорящему, с *-т* – к слушающему, с *-н* – к не-участнику речевого акта) (Боронникова, 2010).

Пр. 2. «Си било едно дете многу сиромашко. ... Детево ги пасело овците во планината...» *‘Жил-был один бедный паренек. ... Этот паренек пас овец в горах ...’* («Немуштиот јазик»).

Членная форма является показателем пространственного дейксиса, но в некоторых случаях членная форма коррелирует и с персональным дейксисом. Рассказчик, используя форму *-в* с существительными *детево* ‘этот ребенок’, *самовилава* ‘эта самовила’, указывает на свою непосредственную связь с событиями.

Членная форма *-в* выполняет анафорическую функцию. Используя членную форму слова *детево* ‘этот паренек’, говорящий отсылает нас к ранее упомянутому объекту. В некоторых сказках, как видно из примера (пр. 2), мы столкнулись с такой ситуацией. С другой стороны, членная форма указывает на лицо, которое в данный момент находится вне ситуации коммуникации и не участвует в речевом акте, но оно может обозначать потенциального говорящего в потенциальном дискурсе, иначе говоря, оно могло бы стать участником диалога, что происходит дальше в тексте сказок.

Пр. 3. «И детето станвит, напротив, право во ливадата и пуштит да пасет. И си имал тој едно шупельче, си свирит, овците му пасет» *‘Паренек же, наоборот, встанет на луку и пуштит овец пастись. Была у него и свирель, играет он, а овцы пасутся’* («Трите самовили»).

Кореферентные дейктические отношения встречаем и в примере 3 (пр. 3.), где из контекста понятно, что местоимения *тој* ‘он’, *му* (краткая косвенная форма личного местоимения формы *нему* ‘нему’) отсылают к единому референту – слову *дете(то)* ‘ребенок’.

Похожая ситуация встречается и в русском примере (пр. 4), где местоимение *он* указывает на предупомянутый референт.

Пр. 4. «И пошел он, добрый молодец, куда глаза глядят. Много ли, мало ли шел – пробрался в иное государство, усмотрел часового и спрашивает:

– Нельзя ли где отдых взять?

Часовой сказал ефрейтору, ефрейтор офицеру, офицер генералу,

генерал доложил про него самому королю» («Окаменелое царство»).

В нарративе данных сказок (пр. 5) мы встретили использование притяжательных местоимений. Они соединяют предмет, лицо или явление, о которых идет речь, с одним из участников акта коммуникации, точнее, они представляют анафору к предыдущей единице высказывания.

Пр. 5 а) «И предварително на татко му негов самовиливе му ѝ зеле очите, кор был» *‘До этого самовилы лишили зрения его отца, он стал слепым’* («Трите самовилы»).

б) «Вдруг застучало, загремело – явилось во дворец целое войско, подступили к солдату его прежние начальники...» («Окаменелое царство»).

в) «...После ужина разошлись все спать по своим светёлкам...» («Перышко финиста ясна сокола»).

В примере 5 (пр. 5 а, б, в) притяжательные местоимения *негов* ‘его’, *его*, *свои* относятся к участнику речи в дальнейшем диалоге. Притяжательные местоимения указывают на поссесора/ов, который является необходимым центром дейктического выражения притяжательности. Здесь указание на лицо совершается опосредованно. Притяжательные местоимения часто коррелируют с личными местоимениями и вместе с тем выражают отношение к единому референту. А.В. Бондарко (Бондарко 2002) классифицирует их как промежуточные средства выражения дейксиса. По его мнению, под «промежуточными» понимаются такие единицы дейксиса, которые не принадлежат ни центру, ни периферии дейксиса. Они находятся между первичным и вторичным дейксисом.

В сказочном нарративе мы столкнулись с неопределенным местоимением с персональным указанием. По словам Б. Конеского (Конески, 1967: 325), слово *еден* ‘один’ имеет несколько значений. Кроме значения количества, оно имеет значения неопределенного местоимения *некој* ‘какой-нибудь, некоторый’, а кроме того содержит в себе сему указания. Так, в македонских примерах 1 и 2 (пр. 1 а, 2) можно заметить местоимение *еден* ‘некоторый’ с семантикой неопределенности. А. Киклевич (Киклевич 2004: 17) указывает, что в предложении «Приходил один студент» референт является неопределенным только для слушающего. Л. Минова-Гюркова (Минова-Гюркова, 1994: 59–60) уточняет, что говорящий знает данный референт, но не хочет его идентифицировать и решает представить в качестве незнакомого. Для таких случаев исследователь вводит понятие *субјективна неопределеност* ‘субъективная неопределенность’.

«Персональность» местоимения *еден* ‘один’ проявляется в его сочетаемости со словом *дете* ‘ребенок’, а также в отношении говорящего к слушающему¹. Таким образом говорящий, используя местоимение *еден* ‘один’, подчеркивает известность референта самому себе, а не слушающему.

В македонских сказках в подобной функции встречается неизменяемое существительное *фильан* ‘некоторый, какой-то’. В наших материалах это слово встречается в сочетании с локативными существительными, такими как *фильан ливада* ‘какой-то луг’, *фильан пештера* ‘какая-то пещера’.

В текстах мы столкнулись еще с одним явлением, относящимся к периферии поля персональности. Дж. Лайонз (Лайонз, 2003: 323) называет это явление «частично дейктичная группа». Это кореферентное сочетание имени существительного с местоимением, как в примере 4 (пр. 4): «И пошел он, добрый молодец, куда глаза глядят», – а также в следующем примере (пр. 6):

Пр. 6. «И тије децата припиштиле, во оган скокнале, изгореле» ‘Они, дети, закричали, прыгнули в огонь и сгорели’ («Трите самовили»).

Данное явление присуще обоим языкам, сочетание состоит из личного местоимения и существительного: в примере 4 (пр. 4) местоимение *он* сочетается со словосочетанием *добрый молодец*, указывая на одну и ту же рассматриваемую сущность, а в примере 6 (пр. 6) местоимение *тија* (в диалектной форме от местоимения 3-го лица мн. ч. *тие*) сочетается со словом *децата*. Если учитывать, что в старославянском языке местоимения 3-го лица обладали функцией указания (особенность, которая в македонском языке сохранилась до сих пор), то тогда мы можем говорить об амбивалентной функции этой единицы.

Дж. Лайонз (Лайонз, 2003: 323–324) подчеркивает, что местоимения 3-го лица ед. ч., а также часть указательных местоимений, не являются чистыми дейктиками.

В следующем примере (пр. 7 а, б) мы столкнулись с интересным феноменом, в котором режим интерпретации противопоставлен речевому. Известно, что в нарративном режиме интерпретации использование 3-го лица регулярно относится ко вторичному дейксису. С другой стороны, использование первичных эгоцентриков в нарративе считается нетипичным и передает другое значение. Надо отметить, что возникновение нарративного режима интерпретации подразумевает

¹ Бондарко определяет персональность как «семантическую категорию, характеризующую участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи – прежде всего говорящему» (Бондарко, 1991: 5).

отсутствие полноценного говорящего в качестве субъекта речи. Иными словами, как отмечает Е.В. Падучева, «канонической речевой ситуации противопоставлен нарратив: в нарративном тексте нет подлинного говорящего как субъекта речи с синхронным слушающим; в частности, нет момента речи – основополагающего понятия для языков с категорией времени». Этот режим интерпретации противопоставлен речевому (диалогическому) (Падучева, 2006: 403). С подобным явлением мы встречаемся в примере 7:

Пр. 7 а) «Вынула перышко; перышко ударилося об пол и обернулось царевичем.

Тут их и обвенчали, и свадьба была богатая! На той свадьбе и я был, вино пил, по усам текло, во рту не было. Надели на меня колпак да и ну толкать; надели на меня кузов:

– Ты, детинушка, не гузай, убирайся-ка поскорей со двора» («Перышко финиста ясна сокола»).

б) «Му зеде земја, не знам колку градои и села, му зема, таа држава појака била (да преставиме како Америка и Енглеска да се тепат)» *‘Захватил землю его, не знаю сколько городов и сел захватил, это государство оказалось сильнее (представим, как бы Америка с Англией боролись)’* («Трите самовили»).

Примеры показывают, что местоимения *я, меня*, а вместе с ними форма 2-го лица мн. ч. глагола *преставиме* ‘представим’, указывают не на персонажа, а на повествователя, т.е. это слова повествователя, включенные в текст сказки. Здесь, несомненно, речь идет о первичном дейксисе в нарративе. В продолжении русского примера можно заметить, что повествователь в тексте пускается в разговор с персонажами, выступая как адресат реплики (*Ты, детинушка, не гузай, убирайся-ка поскорей со двора*). Что касается македонского примера, то нужно подчеркнуть, что здесь рассказчик дает свое дополнение, т.е. объяснение данному событию. Глагол *преставиме* ‘представим’ указывает на повествователя и его собеседника/ов, это его собственные слова в сказке. Подобную ситуацию можно заметить и в примере 8:

Пр. 8. «И му вика еден дена на татко му царева ќерка (станала на 20-30 години, демек да се м’жи, ама барала јунак, кој е најјунак, добар, ко е богат)...» *‘Однажды дочь царя говорит своему отцу (ей исполнилось бы 20–30 лет, и она, говорят, хотела выйти замуж, но искала богатыря, сильного, сильного-пресильного, хорошего и богатого)...’* («Трите самовили»).

Подведем итоги. Из приведенных выше примеров видно, что в повествовательном тексте мы встречаемся прежде всего со вторичным

дейксисом. Дейктические средства по большей части относятся к периферии поля персональности. В таких ситуациях роль наблюдателя обычно меняется только референциально, причем ее выполняет не говорящий, а повествователь или персонаж. Иными словами, в нарративе русских и македонских сказок мы встречаем средства выражения вторичного дейксиса. Речь идет о местоимениях и форме глагола 3-го лица, которые, кроме дейктических, обладают и анафорической функцией. Анафорическая функция особенно свойственна местоимениям.

Как в русских, так и в македонских примерах мы столкнулись с (ко)референтными отношениями. Иначе говоря, некоторые языковые единицы указывают на ранее упомянутый референт. Совпадение этих единиц находим в местоимениях. Видно, что в македонских примерах референция выражена с помощью членной формы.

Сходство дейксиса македонского и русского языков находим в примере 7 (пр. 7 а, б), где в нарративе обнаруживается первичный дейксис. Речь идет о типичной формуле русской сказки, где местоимение *я* указывает на повествователя, его слова в сказке. Этот феномен встречаем и в нарративе македонских сказок, где используется глагол *преставиме* 'представим', который, несомненно, указывает на повествователя и его собеседника/ов. Таким образом рассказчик дает свое пояснение к определенному событию. Поскольку в нарративе прежде всего используются формы 3-го лица, не исключено, что использование формы 1-го и 2-го лица может передавать другой смысл.

Разницу находим, когда речь идет об использовании различных временных форм глаголов в македонских примерах. Здесь мы столкнулись с пересечением л-формы глагола и имперфекта формы 3-го лица ед. ч. Иначе говоря, рассказчик, используя эту форму глагола, представляет себя как свидетеля действия или непосредственного участника события.

Использование местоимений вместе с существительным, которые называют один и тот же самый субъект, присущи как македонскому, так и русскому нарративу. Местоимения 3-го лица, которые мы встречаем в кореферентном сочетании с именем существительным, обладают функцией указательного местоимения – особенность старославянского языка, которая в македонском сохранилась до сих пор.

Список источников

Вражиновски, Танас. 1986. *Македонски народни волшебни приказни*

Скопје: Институт за фолклор «Марко Цепенков». 297 с.

Русские народные волшебные сказки [Электр. ресурс]. URL: <http://www.rodon.org/other/rnvs.htm> (дата обращения: 08.12.2016).

Список литературы

Апресян, Юрий Дереникович. 1997. *Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира*. Семиотика и информатика. Вып. 35. Москва. С. 272-298.

Арутюнова, Нина Давидовна. 1982. Лингвистические проблемы референции. В: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 13. Москва. С. 5-40.

Бондарко, Александр Владимирович. 1991. *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Санкт-Петербург: Наука.

Бондарко, Александр Владимирович. 2002. *Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка*. Москва: Языки славянской культуры.

Боронникова, Наталия Владимировна. 2011. Дейктические показатели македонского языка как способ организации личного пространства. В: *Славянский альманах: 2010*. Москва. С. 393-402.

Боронникова, Наталия Владимировна. 2010. Проблема «двойной определенности» в современном македонском языке. В: *Вестник Пермского университета*. Серия «Российская и зарубежная филология». Вып. 5(11). С. 58-68.

Виноградов, Виктор Алексеевич. 1990. Дейксис. В: *Лингвистический энциклопедический словарь*. Гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия. С. 128.

Кибрик, Андрей. *Дейксис* [электр. ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DEKSIS.html?page=0,0 (дата обращения: 14.12.2016).

Киклевич, Александр. 2004. Детерминативная функция именных групп: значение и реализация. В: *Зборник матице српске за славистику*. С. 45-74.

Конески, Блаже. 1967. *Грамматика на македонскиот литературен јазик*. Скопје: Култура.

Лайонз, Джон. 2003. *Лингвистическая семантика. Введение* / пер. с англ. Москва: Языки славянской культуры.

Минова-Гуркова, Лилјана. 1994. *Синтакса на македонскиот стандарден јазик*. Скопје: [б. и.].

Муковский, Олег Леонидович. 2015. *Дейксис и анафора в русском,*

английском и испанском языках: автореф. дисс... канд. филол. наук. Санкт-Петербург.

- Падучева, Елена Викторовна. 2006. Наблюдатель: типология и возможные трактовки. Детерминативная функция именных групп: значение и реализация В: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Вып. 5 (12). С. 403-413.
- Падучева, Елена Викторовна. 2011. *Семантические исследования. Семантика времени и вида. Семантика нарратива*. Москва: Языки русской культуры.
- Сребрянская, Наталья Анатольевна. 2005. Статус дейктических проекций в художественном тексте. В: *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». № 1. С. 24-27.
- Цикушева, Ирина Владимировна. 2008. Жанровые особенности литературной сказки (на материале русской и английской литературы). В: *Вестник Адыгейского государственного университета*. № 1. [электр. ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-osobennosti-literaturnoy-skazki-na-materiale-russkoy-i-angliyskoy-literatury> (дата обращения: 10.12.2016).
- Anderson, Stephen. Keenan, Edward. 1985. Deixis. In *Language typology and syntactic description: Grammatical categories and the lexicon*. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press. P. 259-308.
- Bühler, Karl. 1934. *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache*. Jena: G. Fischer.
- Fillmore, Charles J. 1971. Lectures on Deixis 1971. In *Indiana University Linguistics Club – 1975*. P. 217-306.
- Sonnenhauser, Barbara. 2009. The Macedonian tripartite article: a discourse-oriented account. In *Makedonski jazik*. Vol. 60. P.123-136.
- Sonnenhauser, Barbara. 2016. “The Balkan Manner of Narration”: Narrative Functions of the I-Periphrasis in Pre-Standardized Balkan Slavic. In *Balkanistica*. Vol. 29. P.175-216.